

БЖЕЗИНСКИЙ З.
МЕЖДУ ДВУМЯ ВЕКАМИ. РОЛЬ АМЕРИКИ
В ЭРУ ТЕХНОТРОНИКИ

BRZEZINSKI Z.
Between two ages : America's role in the
Technetronic era. - N.Y.: The Viking press,
1970. - XVII, 334 p.

В монографии помощника президента США по вопросам национальной безопасности (в период написания книги - директора Исследовательского ин-та по проблемам коммунизма при Колумбийском ун-те) Збигнева Бжезинского представлены, в частности, взгляды одного из крупнейших современных буржуазных идеологов на проблемы войны и мира, перспективы разрешения международных конфликтов и создания оптимального, с точки зрения правящей элиты США, мирового порядка.

Парадокс нашего времени, пишет автор, заключается в том, что человечество становится одновременно и более объединенным, и более разобщенным. В этом состоит основная направленность нынешних перемен. Время и пространство настолько уплотнились, что в глобальной политике проявляется тенденция к более широким, более взаимосвязанным формам сотрудничества, но вместе с тем и к отказу от укоренившейся преданности

определенным институтам и идеологии. Человечество становится более цельным и сплоченным, несмотря даже на то, что различия в положении отдельных обществ увеличиваются. В таких условиях сближение, вместо того чтобы приводить к единству, вызывает трения, усиливаемые новым чувством глобальной тесноты. Возникает новая модель международной политики. Мир перестает быть ареной, на которой относительно замкнутые, "суверенные" и однородные государства взаимодействуют, сотрудничают, сталкиваются или ведут между собой войны.

Целью государственных деятелей на протяжении многих десятилетий было урегулирование конфликтов в глобальном масштабе. Этого пытались достичь с помощью соглашений, конвенций и пактов. Ни один из таких способов не мог быть Эффективным в системе, состоящей из относительно обособленных друг от друга суверенных единиц; однако появление средств скоростной связи, обеспечивших не только физическую близость различных стран, но и немедленную информацию их о далеких событиях, и наступление ядерного века, который впервые сделал по меньшей мере два государства обладателями поистине глобальной разрушительной мощи, коренным образом изменили характер международных конфликтов. Эти факторы, с одной стороны, понизили их уровень, с другой же - повысили их потенциал и увеличили размах.

В наше время урегулирование конфликтов, по мнению автора, означало также переход от длительных войн к спорадическим взрывам насилия. Индустриальный век сделал возможными продолжительные, затяжные войны. Ядерное оружие - никогда не применявшееся в конфликтах между ядерными державами - создало возможность столь опустошающего взаимного уничтожения, что принуждает его обладателей к пассивной сдержанности со спорадическими взрывами насилия на периферии противоборства. "Таким образом, - утверждает автор, - если в прошлом насилие осуществлялось использованием максимума наличной мощи, то сегодня государства, обладающие максималь-

ной мощью, стараются использовать для утверждения своих интересов только минимум ее" (с. 7).

Со времени появления ядерного оружия отношения между сверхдержавами определяются неким элементарным кодексом сдержанности, этим плодом метода проб и ошибок испытанного в ходе конфронтации, отдельными этапами которой были война в Корее, Берлинский и Карибский кризисы. Вполне вероятно, пишет автор, что при отсутствии этого оружия между США и СССР давно уже вспыхнула бы война. Разрушительная мощь ядерного оружия оказала, таким образом, решающее воздействие на степень, до какой в отношениях между государствами применяется сила. Именно эта мощь диктует наиболее могущественным державам необходимость соблюдать беспрецедентную осторожность в своем поведении. Ядерное оружие создало, таким образом, в пределах тех хрупких рамок, в которых происходит преобразование нашей действительности, совершенно новую систему воздержания от расчетов на применение подавляющей мощи.

Государство-нация в качестве основной единицы в организованной жизни человека перестало быть главной созидательной силой. Международные банки и многонациональные компании действуют и планируют свои действия на основе методов, намного опередивших политические концепции государства-нации. Вместе с тем "взаимоотношения государств-наций все еще играют решающую роль в деле войны и мира, и первое осознание человеком себя как личности все еще основывается на национализме" (с. 54). Но по мере того как государство-нация постепенно уступает свой суверенитет, растет психологическое значение национальной общины, и попытка создать равновесие между императивами нового интернационализма и потребностью в более тесной национальной общине оказывается источником трений и конфликтов.

Научно-технические новшества в области вооружений еще больше затрудняют достижение такого равновесия. Помимо усо-

вершенствованных ракет, многозарядных боеголовок, более мощных бомб и более точных средств их доставки вполне могут появиться в будущем автоматические или пилотируемые космические военные корабли, глубоководные установки, химическое и биологическое оружие, лазерное оружие и другие виды вооружений. Это новое оружие может, по мнению автора, либо породить надежду на одностороннюю, относительно "недорогую" победу, либо сделать возможным конфликты "по доверенности", которые будут решающими по своим политико-стратегическим последствиям, но в которых будут сражаться ограниченные людские контингенты или даже роботы в далеком космическом пространстве. Наконец, это оружие может попросту создать такую атмосферу взаимной неуверенности, что нарушение мира станет неизбежным, несмотря на то, что человеческий разум осознает тщетность войны.

"К тому же, - пишет автор, - может оказаться осуществимым - и заманчивым - использовать для политико-стратегических целей плоды изучения мозга и поведения человека" (с. 57). Специализирующийся на военных проблемах геофизик Г.Дж.Ф.Макдональд утверждает, что искусственно вызванные, точно рассчитанные по времени электронные разряды "могут вызвать колебания, аналогичные тем, которые производят относительно высокие уровни энергии над определенными районами Земли... Таким путем можно создать систему, способную на длительный срок серьезно нарушить мозговую деятельность очень большого числа людей в специально намеченных районах... И независимо от того, насколько тревожной кажется мысль об использовании среды для воздействия на поведение людей ради чьих-то национальных преимуществ, в течение ближайших нескольких десятилетий будут, по всей вероятности, разработаны технические средства, позволяющие подобное использование"¹⁾.

¹⁾ MacDonald G.J.F. How to wreck the environment. - In: Unless peace comes / Ed. by Calder N. L., 1968, p.181.

Такая техника будет доступна главным образом - а в первое время исключительно - только наиболее развитым странам. Но вполне вероятно, пишет автор, что в ближайшие десятилетия некоторые государства "третьего мира" предпримут шаги к приобретению - или приобретут - оружие огромной разрушительной силы. Даже если они не решатся - во избежание собственного уничтожения - пустить его в ход против великих держав, они могут оказаться в состоянии - и у них может появиться соблазн - использовать его в "подпольных" войнах против себе подобных стран. Тут, по мнению автора, возникает вопрос, будут ли великие державы считать, что такие войны создают непосредственную опасность для всеобщего мира, и будет ли их совместный ответ эффективно организованным и внушительным. Отсутствие общепризнанных глобальных органов можно было бы временно восполнить соответствующей договоренностью или соглашениями, предусматривающими контрмеры против таких специфических опасностей, но можно допустить, что в отдельных случаях не удастся достичь достаточного единодушия, необходимого для принятия совместных ответных мер. Таким образом, приходит к выводу автор, взаимное уничтожение некоторых более мелких государств по-прежнему остается, по меньшей мере, возможным.

В наше время широко распространено убеждение в желательности сокращения военного бюджета и создания международных сил по поддержанию мира. Налицо также более ясное осознание присущей человеку агрессивности и необходимости контролировать ее. "Наличие оружия тотального разрушения делает последствия конфликта неисчислимыми, а тем самым уменьшает вероятность крупной войны" (с. 275). Развитие глобального сознания, в свою очередь, ведет к отказу от утверждения национального превосходства и к подчеркиванию глобальной взаимозависимости. В США, по мнению автора, это растущее международное сознание иногда принимало форму еще большей

подверженности влиянию "военно-промышленного комплекса" и успешно препятствовало неограниченному развитию химико-биологического оружия и его применению в бою. Это также стимулировало требование пересмотра нужд обороны, а в других развитых странах, особенно в Японии и странах Западной Европы, вызывало пацифистское движение. Тем не менее, полагает автор, реалистический подход к вопросу подсказывает вывод, что пока никакого глобального соглашения о безопасности не предвидится. Самое большее, чего можно ожидать и на что рассчитывать, - это расширенных договоров о контроле над оружием, односторонних ограничений расходов на оборону и расширения механизма ООН по поддержанию мира. Конфликты между странами все еще весьма реальны; толкования перемен в мире еще резко различаются, сохраняются расхождения в национальных чаяниях.

В наш век международные соглашения по вопросам безопасности должны быть похожи на соглашения, заключаемые в крупных городских центрах: такие соглашения направлены не против каких-то конкретных организаций или отдельных лиц, а против тех, кто отходит от установленных норм. "Следовательно, существующие союзы, которые обычно направлены против потенциального агрессора, точно определенного либо в самом договоре, либо в сопровождающих его заявлениях, должны быть постепенно заменены ассоциацией, основанной на концепции сотрудничества стран, объединившихся ради разнообразных целей, в том числе и ради обеспечения безопасности" (с. 289-290). Хотя вначале это будет лишь формальным изменением - ибо в ассоциацию, конечно, войдут только государства с определенными общими интересами и опасениями, - эта намеренно открытая для других система, в которой элементы безопасности будут играть лишь небольшую, второстепенную роль, избежит институционального увековечения неизбежных, но часто преходящих столкновений интересов разных государств. Эволюция

форм международной безопасности облегчит постепенную перестройку американской системы обороны, особенно путем концентрации американского военного присутствия за границей в нескольких ключевых странах. Если не считать стран, пишет автор, которые полагают, что им угрожает непосредственная опасность, длительное военное присутствие США обычно усиливает политическую враждебность к ним даже в дружественных по традиции странах, и, хотя это присутствие некогда было желательным для данных стран, оно постепенно превращалось в узаконенное право американцев.

"Поскольку разрушительная мощь ядерного оружия удерживает от развязывания тотальной войны, а прежняя озабоченность ее возможностью уступит место беспокойству по поводу вероятности спорадического возникновения насилия в "третьем мире", американские вооруженные силы, размещенные за границей, исходя из предположения, что они понадобятся для обеспечения безопасности разных стран, подвергающихся общей угрозе, все меньше и меньше требуются для этой цели" (с. 290). За некоторым исключением, ни глобальная безопасность, ни американские интересы в общем, подчеркивает автор, по-видимому, не пострадают, если территориальные пределы американской обороны станут более ограниченными (то же относится и к СССР; это, видимо, не нанесет ущерба его безопасности) и если все больший упор будет делаться на мобильность средств переброски войск на большие расстояния.

"Признание настоятельной необходимости изменений должно быть подкреплено широкими попытками сдержать глобальную тенденцию к хаосу" (с. 293). Чтобы мир мог дать действенный отпор все более серьезному кризису, который по-разному угрожает сейчас как развитым странам, так и "третьему миру", необходимо в конце концов создать сообщество развитых стран. Постоянные разногласия между развитыми государствами, особенно разногласия, порожаемые устаревшими идеологическими концепциями, сведут на нет попытки отдельных государств по-

мочь "третьему миру". В более развитом мире они могут даже способствовать возрождению национализма.

С американской точки зрения наиболее важные и многообещающие изменения в предстоящие годы затронут Западную Европу и Японию. Способность этих районов продолжать развитие своей экономики и сохранять относительно демократические политические формы решительнее, чем вероятные изменения в американо-советских отношениях, скажется на постепенной эволюции новой международной системы. У Западной Европы и Японии больше возможностей для проявления инициативы в создании новой основы международных отношений, а поскольку эти страны, подобно США, стоят в авангарде науки и техники, они представляет собой, по утверждению автора, самые жизнеспособные районы земного шара.

Для предотвращения сползания отдельных стран к национализму или идеологическому радикализму, считает автор, требуются усилия для организации сообщества развитых стран, в которое вошли бы атлантические государства, наиболее развитые европейские социалистические государства и Япония. Нет необходимости, чтобы эти страны создавали какое-то однородное сообщество, напоминающее ЕЭС или некогда желанный Атлантический союз, - да и долгое время это будет просто невозможно. "Но тем не менее прогресс в этом направлении помог бы положить конец гражданской войне, которая определяла международную политику развитых стран в последние полтора столетия" (с. 295). Хотя националистические и идеологические споры между этими странами имеют все меньшее отношение к жизненным проблемам человечества, они препятствуют конструктивному решению задач, являющихся, как все больше признают государства обеих систем, ключевыми для нашего времени. Вследствие отсутствия объединительного процесса старые споры не затухают, заслоняя собой подлинные проблемы управления государством.

Нельзя назвать утопией, пишет автор, попытку обосновать необходимость в таком сообществе и определить его создание как главную задачу следующего десятилетия. Под влиянием экономики, науки и техники человечество постепенно идет к установлению широкого сотрудничества. Несмотря на периодические неудачи, вся история человечества ясно свидетельствует о прогрессе в этом деле. Вопрос лишь в том, создаст ли стихийное движение достаточный противовес уже отмеченным опасностям. И поскольку ответ, по-видимому, будет отрицательным, можно сказать, констатирует автор, что реалистический подход требует продуманных усилий, направленных на ускорение процесса развития международного сотрудничества экономически развитых стран.

Движение по пути расширения сообщества развитых стран, конечно, должно быть постепенным, и оно не будет мешать установлению более однородных отношений внутри него. К тому же нельзя достигнуть такого сообщества путем механического соединения существующих государств. Само желание формально создать одно большое государство порождено взглядами, свойственными веку национализма. Гораздо больше смысла, отмечает автор, попытаться объединить существующие государства посредством различных косвенных связей и уже начинающих вступать в действие ограничений национального суверенитета. •

В ходе этого процесса СССР и Восточная Европа, с одной стороны, и Западная Европа - с другой, еще долго будут сохранять более близкие отношения в рамках своих собственных районов. Хотя последнее неизбежно, главное заключается в том, чтобы создать более широкую систему, которая связала бы всех в рамках различных региональных или функциональных форм сотрудничества. Такая система не уничтожила бы американо-советского соперничества в ядерном оружии, которое оставалось бы осью мировой военной мощи. "Но в более широком плане сотрудничества соревнование между Соединен-

ними Штатами и Советским Союзом, в конечном счете, напоминало бы по форме англо-французское колониальное соперничество конца XIX в. : Фашода не подорвала зарождавшееся европейское согласие" (с. 296).

По мнению автора, участие в делах всего мира качественно отличается от того, что до сих пор было известно как внешняя политика. Оно не признает четких формул и традиционных предпочтений. Но эта интеллектуальная сложность, подчеркивает автор, не отрицает того факта, что так или иначе на США возложена главная ответственность за определение рамок изменений. Эту точку зрения зачастую истолковывают неправильно и потому она крайне непопулярна в некоторых кругах. Однако обстановка в мире не требует реализации плана "пакс Американа", и нынешний век вовсе не является веком всемогущества США. Тем не менее остается фактом, что если США, по мнению автора, первое глобальное общество, не используют свое преобладающее влияние, чтобы придать изменениям, происходящим все ускоряющимися темпами, позитивное направление и выражение, то эти изменения могут не только привести к хаосу - в случае их связи со старыми конфликтами и антипатиями, - но и, в конечном счете, поставить под угрозу внутривосточное развитие в "нужном" направлении в самой Америке.

В заключение автор подчеркивает, что хотя задача формирования сообщества развитых стран менее претенциозна, чем цель создания мирового правительства, она легче достижима. "Она шире концепции Атлантического сообщества и исторически больше соответствует новой, космической революции" (с. 308). Учитывая нынешние расхождения между коммунистическими и некоммунистическими странами, эта задача все же предполагает попытки создать новые основы для международного развития не путем использования этих расхождений, а, скорее, пытаясь сохранить и найти новые возможности для конечного примирения. И, наконец, приходит к выводу автор, при этом

признается, что между развитыми странами мира существует определенное сходство и что только воспитывая у них большее сознание общности можно будет найти действенный ответ на усиливающуюся угрозу глобального раскола мира на множество частей, что само по себе обостряет растущее во всем мире недовольство неравенством между людьми.

И.М.Максимова